

Мосли против Соединенного Королевства

[Mosley v. United Kingdom] (№ 48009/08)

Постановление от 10 мая 2011 г. [вынесено IV Секцией]

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

Национальная еженедельная газета опубликовала на первой полосе статью с фотографиями интимного характера, полученными из негласно снятой видеозаписи, о предполагаемых сексуальных действиях с использованием нацистской символики заявителя, который являлся известным деятелем Международной автомобильной федерации и «Формулы-1». Отрывок видео и стоп-кадры из него были опубликованы на веб-сайте газеты и воспроизведены в Интернете. Заявитель предъявил к издателю иск о нарушении конфиденциальности и вторжении в личную жизнь, требуя компенсации вреда. Кроме того, он просил о принятии судебного предписания, запрещающего газете демонстрировать на своем веб-сайте отредактированную видеозапись. Вскоре после этого газета опубликовала вторую серию статей по той же теме. Высокий суд отказал в принятии судебного предписания на том основании, что материалы более не являлись частными, поскольку получили широкое распространение в печати и Интернете. В дальнейшем разбирательстве о защите личной жизни он постановил, что опубликованные статьи и изображения нарушили право заявителя на личную жизнь, поскольку они не содержали нацистских коннотаций и, таким образом, отсутствовали общественный интерес или оправдание для их публикации. Заявителю было присуждено 60 000 фунтов стерлингов и 420 000 фунтов стерлингов в возмещение судебных расходов и издержек. Несмотря на присужденную денежную компенсацию, он жаловался на то, что сохранил статус жертвы нарушения права на личную жизнь, так как он был лишен возможности эффективно требовать временного судебного предписания в связи с отсутствием законодательного требования о предоставлении газетой предварительного уведомления о публикации.

ВОПРОСЫ ПРАВА

По поводу соблюдения статьи 8 Конвенции.

(а) *Приемлемость жалобы.* Что касается доводов государства-ответчика, согласно которым заявитель не имел более статуса жертвы какого-либо нарушения, поскольку ему была присуждена компенсация вреда, и, в любом случае, он не исчерпал внутренние средства правовой защиты, Европейский Суд находит, что ни денежная сумма, присужденная после раскрытия оспариваемых материалов, ни средства правовой защиты, на которые ссылалось государство-ответчик (жалоба на определение судьи о штрафных убытках, требование о взыскании доходов и жалоба на основании Закона о защите данных), не составляли сред-

ство правовой защиты в отношении конкретной жалобы на отсутствие в Соединенном Королевстве законодательного требования о предоставлении средством массовой информации предварительного предупреждения о публикации сведений о личной жизни гражданина.

РЕШЕНИЕ

Жалоба признана приемлемой (принято единогласно).

(b) *Существо жалобы.* Поскольку суды страны не выявили наличия нацистского характера в сексуальных действиях заявителя, они пришли к выводу, что отсутствовал общественный интерес в публикации спорных статей, и присудили заявителю компенсацию вреда за нарушение права на личную жизнь. Газета не обжаловала решение. Европейский Суд, таким образом, полагает, что спорные публикации привели к вопиющему и неоправданному вторжению в личную жизнь заявителя. Учитывая, что заявитель добился вынесения вывода в свою пользу в судах страны, Европейский Суд ограничил свою оценку общей правовой основой, существующей на национальном уровне, для уравнивания права на частную жизнь и права на свободу выражения мнения, учитывая свободу усмотрения, предоставленную государству, и ясность и потенциальную эффективность меры, требуемой заявителем.

Очевидно, что власти страны в соответствии с Конвенцией обязаны не только воздерживаться от вмешательства в личную жизнь заявителя, но и обеспечивать эффективную защиту такого права. Право на личную жизнь защищалось в национальной правовой системе рядом мер: саморегулирование прессы, иск в порядке гражданского судопроизводства о компенсации вреда и заявление о временном судебном предписании, запрещающем публикацию. В своей предыдущей прецедентной практике Европейский Суд прямо признал, что последующая компенсация вреда, обусловленного диффамационной публикацией, представляла собой адекватное средство правовой защиты в отношении нарушений права на личную жизнь, вызванных публикациями частной информации.

Вопрос в настоящем деле заключался в том, была ли необходимой для исполнения обязательства государства, несмотря на указанный выше подход, конкретная мера, требуемая заявителем – обязательное в силу закона требование о предварительном уведомлении. Воздействие на свободу выражения мнения такого правила не ограничивалось сенсационным репортажем, который был предметом рассмотрения в деле заявителя, но распространялось на освещение политических вопросов

и серьезные журналистские расследования, и введение ограничений в отношении последних видов журналистики требовало тщательного контроля. Государства пользуются определенной свободой усмотрения в отношении мер по защите личной жизни граждан в связи со свободой выражения мнения, и исследование парламентского комитета по вопросам частной жизни, которое было недавно проведено в Соединенном Королевстве с участием различных заинтересованных лиц, включая самого заявителя, завершилось выводом об отсутствии необходимости требования о предварительном уведомлении. Хотя ряд государств-участников требуют согласия лица до раскрытия частного материала, Европейский Суд не убежден, что необходимость согласия в некоторых государствах может свидетельствовать о наличии европейского консенсуса в части требования о предварительном уведомлении. Заявитель не указал ни на одну юрисдикцию, где бы существовало такое требование, и не ссылался на международные юридические документы, обязывающие государства вводить данное требование. Наконец, система Соединенного Королевства полностью отражала резолюции Парламентской ассамблеи Совета Европы по средствам массовой информации и неприкосновенности личной жизни. Таким образом, свобода усмотрения государства-ответчика в настоящем деле была широкой.

Что касается ясности требования о предварительном уведомлении, концепция «личной жизни» достаточно понятна для газет и репортеров, чтобы иметь возможность установить, когда публикация может нарушить право на уважение личной жизни. Удовлетворительное определение лиц, на которых может быть возложена обязанность, также может быть обнаружено в праве страны. Однако эффективность подобной обязанности является спорной.

Во-первых, любой такой вариант будет требовать некоторой формы исключения «в общественных интересах», позволяющего газете воздержаться от предварительного уведомления о публикации, если она будет уверена, что сможет впоследствии защитить свое решение со ссылкой на общественный интерес. С целью предупреждения серьезного сдерживающего воздействия на свободу выражения мнения «общественный интерес» для этой цели не может пониматься узко, и разумная уверенность в том, что такой интерес существовал, будет достаточной, чтобы оправдать отсутствие уведомления. В деле заявителя, учитывая, что репортер и редактор были уверены, что сексуальные действия, о которых они сообщали, имели нацистский подтекст и, соответственно, представляли общественный интерес, они могли решить не уведомлять заявителя даже при нали-

чии законодательного требования о предварительном уведомлении.

Во-вторых, любое требование о предварительном уведомлении будет настолько действенным, насколько серьезные санкции будут предусмотрены за его несоблюдение. В этой связи необходима особая тщательность при рассмотрении ограничений, которые могут действовать как форма цензуры, предшествующей публикации. Хотя карательные штрафы и уголовные наказания могли быть эффективными для обеспечения соблюдения требования о предварительном уведомлении, имеется риск того, что они будут несовместимы с требованиями статьи 10 Конвенции. Они будут оказывать сдерживающее воздействие на журналистику в сфере политики и расследований, которая пользуется высоким уровнем защиты на основании Конвенции.

Хотя распространение такой информации о личной жизни известных людей служит, как правило, для развлечения, а не для просвещения, оно несомненно пользуется защитой статьи 10 Конвенции. Предоставляемая публикациям защита статьи 10 Конвенции может уступать требованиям статьи 8 Конвенции, если информация носила частный и интимный характер, и отсутствовал общественный интерес в ее распространении. Однако, выходя за рамки обстоятельств дела заявителя и учитывая сдерживающее воздействие, которым угрожает требование о предварительном уведомлении, сомнения в его эффективности и широкую свободу усмотрения, которой располагает Соединенное Королевство в этой области, Европейский Суд заключает, что статья 8 Конвенции не делала необходимым обязательное в силу закона требование о предварительном уведомлении.